

Н. А. Хренов

УДК 008:1-027.21, 008(091)
<https://orcid.org/0000-0002-6890-7894>

Вторая мировая война как вызов: роль культуры в его преодолении

Для цитирования: Хренов Н. А. Вторая мировая война как вызов: роль культуры в его преодолении // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 149-159. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-149-159

Статья продолжает серию публикаций в области культур-философского исследования русской революции и постреволюционной эпохи в истории России как цивилизации. Она является продолжением предыдущих текстов, в которых излагается смысл возникшей в результате революции 1917 года экстремальной ситуации, обозначаемой здесь как столкновение цивилизаций. Пик этого становления связан со второй мировой войной. Кроме всех возможных смыслов, которые необходимо учитывать при осмыслении опыта второй мировой войны, необходимо иметь в виду столкновение между цивилизацией, развивающейся в динамичных ритмах и вызывающей к жизни проект модерна (это, разумеется, Запад), и цивилизации, в которой оказались весьма мощными традиции, заимствованные еще в угасшей в XV веке византийской цивилизации и ритмы развития которой отличаются от тех, что имели место на Западе. Из этой экстремальной ситуации, которая для России представляет самый настоящий Вызов, необходимо было выходить. Возникает проблема выживаемости российской цивилизации. Иначе говоря, необходимо было давать творческий ответ. Обычно такие творческие ответы на ранних этапах в истории народов дают «культурные герои», а в поздних секулярных обществах – представители элиты. В России в силу сложившихся условий творческий ответ должен был дать вождь. Такой творческий ответ им был дан. Им оказалась реабилитация имперского комплекса, то есть византийская традиция, позволившая в экстремальной ситуации спасти российскую цивилизацию. Только вот, прибегая к этому средству, вождь ведь изменял той идее свободы, ради которой революция и совершалась. Таким стал подтекст того, что обычно называется тоталитаризмом. Однако развивая тему индивидуального вклада вождя в разрешение проблемы, связанной со столкновением цивилизаций, автор не склонен сводить это разрешение исключительно к деятельности вождя. Творческий ответ, как он утверждает, все-таки носил не индивидуальный характер. Во всяком случае к этому разрешению проблемы не сводится. Такой ответ был дан народом и той культурой, которую этот народ создал. В осмыслении этого парадокса заключается вклад автора этой статьи в понимании проблемы столкновения цивилизаций. Таким образом, автор на примере Второй мировой войны формулирует универсальную закономерность, связанную с взаимодействием истории и культуры. Вывод автора заключается в том, что без культуры выход из экстремальных ситуаций, разрешение проблемы выживаемости народов не может быть решен.

Ключевые слова: творческий ответ, Сталин, столкновение цивилизаций, модерн, романтизм, российская цивилизация, революция, культура, война, Вторая мировая война, народ, реабилитация истории, реабилитация религии, пограничная ситуация, оттепель.

N. A. Khrenov

Challenge of World War II: role of culture in its overcoming

The article deals with the question of the Russian Revolution and post-revolutionary era in the history of Russian civilization. As a part of cultural and philosophical studies, it continues a series of papers which analyze the extreme situation arising from the Russian Revolution (1917) and considered here a clash of civilizations. It peaked in World War II. When considering all the aspects and outcomes of the war, it is necessary to conceive it as a clash between the civilization featuring dynamic development and bringing to life the Modern Project (this naturally refers to the West) and the civilization upholding the traditions stemming from Byzantine Empire which declined in XV century, the civilization whose development rate differed significantly from that of the West. This extreme situation was a real challenge for Russia which it was to overcome. Thus, a question arose, whether Russian civilization would survive. This question could only be addressed in terms of a creative approach. In the early days of human history it was the 'cultural heroes' that provided the appropriate answer whereas later, in secular societies, it was the prerogative of the elite members. In Russia it was the leader who was traditionally expected to tackle it and he did find the answer. It was the rehabilitation of the so-called imperial complex which means that the Byzantine tradition helped to save Russian civilization in the extreme situation. However, resorting to this the leader betrayed the idea of freedom which had been impetus for the Revolution outbreak. This implied what is called totalitarianism. The article looks beyond the leader's individual contribution to the solution of the civilization clash issue. The author argues that the creative approach was

not of individual nature. At least, the issue cannot be reduced to it. The solution was found by the people in their culture. The author's contribution to the understanding of the civilization clash issue consists in reflecting on this paradox. Thus, using the example of World War II the author offers a universal principle of interaction between history and culture. The author concludes that it is impossible to solve the issue of people's survival and of overcoming an extreme situation without appealing to culture.

Keywords: creative approach, Stalin, clash of civilizations, Modern, romanticism, Russian civilization, revolution, culture, war, World War II, people, rehabilitation of history, rehabilitation of religion, boundary situation, Thaw.

До сих пор, касаясь войны, в формах которой произошло столкновение цивилизаций, мы ставили акцент на первостепенное внимание роли личности в преодолении или, наоборот, в обострении этого столкновения. В данном случае, роли личности вождя. Мы пытались показать, что Сталин как один из самых известных в XX веке политиков дал новый творческий ответ на вызов истории, а этим вызовом явилась очередная вспышка в истории столкновения цивилизаций. Но к этому объяснению проблема не сводится. Все гораздо сложнее. Ведь данный вождь творческий ответ был связан уже не прогрессом как ключевым понятием модерна, а, по сути дела, с регрессом. Как это понимать? Как известно, история не разворачивается лишь в соответствии с линейным принципом. В ней имеет место нелинейный, то есть циклический принцип. Поэтому регресс также закономерен, как и прогресс. Тем более, если речь идет о выживании целых народов. Тут возникает нечто вроде парадокса. Ради спасения российской цивилизации Сталин в экстремальной ситуации, когда давление Запада на этот раз перерастало в военное столкновение, вернул традиционную для России форму государственности, тем самым воскрешая ее византийские основы. Но возрождение византизма как раз и означает регресс. Но, видимо, как рассчитывал вождь, это и позволяло решить проблему, то есть преодолеть возможные последствия возникающей экстремальной ситуации.

В этом случае напрашивается вопрос: можно ли это возвращение к основополагающим для российской цивилизации историческим формам называть «творческим ответом»? Ведь творческий ответ связан скорее с появлением такого варианта, который в истории еще не имел место и который обращен в будущее. Скорее может показаться, что такой творческий ответ давали Ленин и Троцкий. Но соответствовала ли политика Ленина и Троцкого творческому ответу? Смысл творческого ответа Сталина заключался, может быть, как раз в том, что ему пришлось пожинать плоды того творческого ответа, который был дан Лениным и Троцким, а точнее, Сталину пришлось выводить из того тупика, в который завела революция. И думать следовало уже не о революции, а о цивилизации.

Тут-то и возникает возможность того странного отношения к революции, которое описал Л. Троцкий, имея в виду отсутствие активности Сталина в самых известных революционных событиях.

Ради того, чтобы российская цивилизация не исчезла, ему снова пришлось возродить то, чего никакая революция не могла ставить своей целью, и что было чуждо самой ее природе. Возродить византийскую имперскую традицию. Цивилизацию удалось спасти, но какой ценой? Ценой отказа от свободы, что, конечно, в истории России случалось и раньше. Так стоило ли совершать революцию, чтобы вернуть ее не только к исходной точке, но и к средневековым формам государственности? Единственный вывод, который можно сделать из политического опыта большевизма, как в его ленинской, так и в сталинской форме, это вывод о ставшем уже традиционным несходстве цивилизаций России и Запада. Так история XX века вновь продемонстрировала то, что знали и в предшествующие столетия, но на этот раз это имело место в беспрецедентно жестоких формах. Следовательно, вина за многочисленные жертвы, что имели место в России, несет не только Сталин, но и Запад. Столкновение цивилизаций затрагивает интересы многих народов.

Что же касается победы во второй мировой войне, то в ее осмыслении может помочь позиция Л. Толстого, изложенная им в романе «Война и мир». Войну выигрывают не государственные мужи, а обладающий определенной ментальностью народ, а, следовательно, культура. А если так, то мы уже вправе сформулировать: а был ли вообще у Сталина творческий ответ? Был ли он? Последующая история России разворачивается в направлении реабилитации того, что было уничтожено и разрушено в ходе реализации проекта модерна. Эта реализация далеко выходит за пределы XX века. Чтобы точнее представить роль народа во второй мировой войне, необходимо понять и генезис той традиции, которая в ходе войны активизировалась, проявившись в активности народа. Генезис же этой традиции связан с противостоянием модерну, а это противостояние имеет

длительную историю, началом которой является романтизм.

Начиная с рубежа XVIII–XIX веков, в мировой истории возникает альтернативная по отношению к модерну традиция. Эта традиция отвергает футуризм, то есть обращенность в будущее модерна, свидетельствующую о его утопичности. Романтическая традиция наоборот исходит из ценности прошлого. Она ориентирована на сохранение культуры. Противостояние модерна и романтизма не было чисто западным явлением. Оно имело резонанс и в России, расколов интеллигенцию на западников и славянофилов. Западники – это не только те, кто хотел бы направить Россию по западному пути развития, но те, смысл деятельности которых связан с реализацией идеи модерна. Как свидетельствует история реализации этой идеи, модерн изымает человека из культурной, религиозной и национальной стихии. Идентичность человека модерна связана, прежде всего, с разумом и идеологией. Не случайно для всех носителей модерна на первый план выходит идея нового человека, его воспитание и перевоспитание.

Наш российский романтизм связан со славянофильской традицией, исключая имперскую идею. Именно поэтому славянофилы критически оценивали роль Петра I в истории. Они культивировали средневековые ценности, связанные с народом, религией и культурой. Вот эта традиция в ходе войны и заявила о себе, поскольку стало очевидным, что ни прогрессивная идея, ни государство как институт, ни первое лицо государства не решают исход дела, не помогают выжить людям в экстремальной ситуации. В этой ситуации срабатывает древнейший механизм культуры. Решающую роль в этой войне сыграло не государство, а культура, то есть то, что было сформировано в истории.

О том, какой слом произошел в ходе войны, будет свидетельствовать последующая история. А она будет демонстрировать реабилитацию именно романтической традиции, связанной с активизацией национального и религиозного фактора. А. Янов справедливо свидетельствует, что в эпоху оттепели возникает новое славянофильство. Лидером славянофильских, а точнее, романтических настроений во второй половине XX века, с его точки зрения, будет А. Солженицын. Между тем, именно война стимулировала пробуждение национального комплекса, и это обстоятельство констатирует В. Гроссман. Как пишет В. Гроссман, с этого времени русские люди стали по-новому понимать себя («История России стала восприниматься как история русской славы, а не как исто-

рия страданий и унижений русских крестьян и рабочих. Национальное из элемента формы перешло в содержание, стало новой основой миропонимания» [Гроссман, 1988, с. 622]).

Конечно, как свидетельствовала еще популярность С. Есенина в 20-е годы, этот процесс уже имел место, но он сдерживался. В. Гроссман точно говорит, что он имел место не столько в сознании, сколько в подсознании. Иное дело – война. «Война ускорила процесс переосмысления действительности, подспудно шедший уже в довоенное время, ускорила проявление национального сознания – слово «русский» вновь обрело живое содержание. Сперва, в пору отступления это слово связывалось большей частью с отрицательными определениями: российской отсталости, неразберихи, русского бездорожья, русского «авось»... Но, появившись, национальное сознание ждало дня военного праздника. Государство также шло к самосознанию в новых категориях. Национальное сознание проявляется как могучая и прекрасная сила в дни народных бедствий. Народное национальное сознание в такую пору прекрасно потому, что оно человечно, а не потому, что оно национально. Это – человеческое достоинство, человеческая верность свободе, человеческая вера в добро, проявляющееся в форме национального сознания» [Гроссман, 1988, с. 623].

Как бы Сталин не приватизировал победу, уже в годы войны он оказался не ведущей, а ведомой фигурой. Почему? Да потому, что идеология, которую навязывала власть, а она возникала на основе императивов модерна, не мобилизовала людей на противостояние. Она не могла обеспечить победу. Победу мог обеспечить лишь дух народа. Следует отдать должное Сталину, что он сам этот понял еще до войны, дав сигнал искусству реабилитировать историю. На нашем экране появились герои победоносных войн прошлого. Пытаясь понять этот «творческий ответ» Иосифа Сталина, Д. Андреев пишет об этом открытии в сознании вождя значимости национального импульса. Имея в виду Сталина, он пишет: «Он, несколькими годами раньше, из побуждений, недалеких, очевидно, от хулиганской потребности колотить зеркала и разбивать статуи, сносивший безо всякой нужды памятники русского зодчества, превративший черт знает во что храмы и монастыри, а иные гражданские сооружения уничтоживший под предлогом выпрямления улиц (то есть ради несчастной идет «прямолинейности»), – теперь вдруг обратился к национальному прошлому России, реабилитировал целый пантеон русских государственных деятелей прежних эпох и стимули-

ровал воспитание в подрастающем поколении некоего синтетического – и национально-русского, и интернационально-советского чувства «родины». Он понял, что ввиду предстоящего столкновения с агрессивной националистической идеологией фашизма не нужно пренебрегать национальным импульсом в собственном народе. Наоборот: следует его расшевелить, разбередить, заставить и его лить воду на ту же мельницу» [Андреев, 1991, с. 224].

К этой переоценке совершенно не были готовы представители старой гвардии большевиков. В сознании большевиков первого призыва – истинных носителей модерна это была революция. Многие из них оказались в оппозиции по отношению к новому, но консервативному курсу Сталина и за это жестоко поплатились. Так получилось, что в годы войны Сталину пришлось реабилитировать даже религию. Известно, каким гонениям после революции подвергали священнослужителей. Конечно, он вынужден был это делать, поскольку в открытые немцами на оккупированных территориях православные храмы хлынули массы народа. Выяснялось, что не такими уж и атеистами были русские люди. Пришлось возвращать из лагерей даже священнослужителей. Постепенно от реабилитации истории Сталин подходил к реабилитации религии. Встреча Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем в сентябре 1943 года – начало возобновления отношений государства и церкви. Из лагерей возвращались осужденные священнослужители. По всей стране стали открываться православные храмы.

Конечно, этот разворот власти нельзя объяснить лишь проницательностью Сталина и его способностью уловить кризис идеологии. Дело в том, что Сталин вынужден был пойти на этот шаг. Этому его решению, противоречащему ранним установкам большевизма, способствовало открытие немцами православных храмов на захваченных ими русских территориях. Эффект от такого решения немцев был значительный. Это способствовало оживлению религиозной жизни. Всего немцы открыли 7 405 храмов, и это событие послужило основой сюжета фильма В. Хотиненко «Поп». Как пишет исследователь, «сводки немецких властей, а также данные советской разведки свидетельствовали о переполненных верующими храмах, о большом количестве исполняемых религиозных обрядов, о многотысячных крестных ходах и молебнах под открытым небом» [Чумаченко, 2007].

Естественно, что это не могло не оказаться в центре внимания Сталина. Атеизм, которым кичились большевики, как выяснялось, не затраги-

вал глубинных структур психологии массы. Нужно было делать выводы, причем, срочно. Они и были сделаны. Но это только свидетельствует о том, что в этой ситуации Сталин был не ведущей, а ведомой фигурой. Вот как это решение Сталина комментирует А. Солженицын. «Накануне войны в Ростове не оставалось ни одной действующей церкви, – пишет он – они казались закрытыми навсегда. Режим „ликвидировал“ Бога – по крайней мере, он так думал. Но я вам скажу, что может вас изумить: когда гитлеровские войска вошли в Ростов, они открыли собор и три-четыре церкви. И толпы буквально бросились в церковь... Это был жестокий провал коммунизма. Впрочем, Сталин не ошибся. Он знал, что делает. Потому он и завел мелодию национализма в то время, как советские войска пытались задержать немецкое наступление. И религию ему тоже пришлось реабилитировать» [Солженицын, 1996, с. 322].

Однако вот ведь что интересно. Открывая церкви, Сталин вовсе не имел намерения предоставить церкви свободу на все оставшееся время. Это была игра, подобная той, что совершал Ленин с новой экономической политикой, которая тоже мыслилась как временная. Но не тут-то было. Как покажет последующая история, выпущенный на свободу религиозный комплекс загнать обратно на место уже было невозможно. Хотя Хрущев после смерти Сталина и пытался это сделать. А. Солженицын проницательно комментирует эту тактическую уловку вождя. Он пишет: «Сам Сталин тоже попался на собственную удочку. Русский народ снова проявился глубоко верующим и русским. Христианство сразу же было воспринято. И с тех пор у нас вера не перестает развиваться, несмотря на преследования» [Солженицын, 1996, с. 322].

Но вслед за реабилитацией религии изменяется и отношение к архитектуре, которую недавно пытались безжалостно разрушать. Так. И. Эренбург пишет, как исчезали памятники старины: Китайгород, Сухарева башня, Красные ворота. «На севере я увидел, с каким иступлением люди разрушали то, что стоило сохранять. Еще можно было найти немало деревянных церквей шестнадцатого-семнадцатого веков, в которых сказался творческий гений русского народа. В таких церквях хранили картошку, сено, и, простоявшие триста-четырееста лет, они сгорали одна за другой. Когда я был в Архангельске, там с величайшими усилиями взрывали прекрасное здание таможни петровского времени... Я видел, как по кирпичикам разбирали одну из старейших церквей Великого

Устюга; мне объяснили: „Баню строим”» [Эренбург, 1990, Т. 2, с. 40].

Что же касается Второй мировой войны, то ее последствия, в том числе, и для России, несмотря на ее победу в этой войне, свидетельствуют, что ее исход решал исключительно народ, демонстрируя массовое жертвоприношение. Решал, опираясь не на идеи модерна, чем жила старая гвардия большевиков, не на большевистскую идеологию как порождение этой идеи модерна. В этой войне русский народ выстоял, потеряв на полях сражений огромное количество жизней. Как это ни странно, но свободу, отнятую у него в период реализации проекта модерна, народ мог проявить исключительно в период войны. Для русских война оказалась пространством свободы. Свободы в условиях постоянно угрожающей смерти. Свобода в смерти. А о том, что только в ситуации войны русский человек может быть свободным, пронизательно писал Ф. Достоевский. В своем «Дневнике писателя» за 1876 год Ф. Достоевский сообщает об одном своем знакомом, которого он называет любителем парадоксов. Одним из парадоксов у него была защита войны. Писатель предупреждает, что эта защита объясняется у него единственно, может быть, игрой в парадоксы. Опровергая распространенное мнение по поводу того, что война является бичом человечества, парадоксалист, словно следуя гегелевскому суждению о войне, доказывал, что, наоборот, война полезна. Исключением для него является лишь война междоусобная, братоубийственная. По его мнению, «она мертвит и разлагает государство, продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия» [Достоевский, 1981, с. 123].

Что верно, то верно. Императив гражданской войны в советской империи, кажется, уже пропитал гены русского человека. Мы от этого не избавились до сих пор, о чем свидетельствует новый призыв к созданию сегодня, в начале XXI века новой идеологии, которая непременно кончится тем, что одни воспользуются ею для подавления других. Но отрицая войну гражданскую, братоубийственную, парадоксалист Ф. Достоевского приветствует войну внешнюю или междоусобную. Парадоксалист убежден (и в этом он явно не разделяет позицию, манифестируемую в романе В. Астафьева), что в войне люди принимают участие вовсе не потому, что жаждут убивать друг друга. Он говорит: «Никогда этого не бывает на первом плане, а, напротив, идут жертвовать собственной жизнью – вот что должно стоять на первом плане. Это же совсем другое. Нет выше идеи, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая

интересы своего отечества. Без великодушных идей человечество жить не может, и я даже подзреваю, что человечество именно потому и любит войну, чтоб участвовать в великодушной идее. Тут потребность» [Достоевский, 1981, с. 123].

В рассуждениях парадоксалиста Ф. Достоевского мы узнаем, однако, знакомые по Гегелю идеи. В самом деле, для парадоксалиста опасаться следует вовсе не войны, а мира, ведь ожесточает людей именно мир, а не война. «Положительно можно сказать, – говорит парадоксалист – что долгий мир ожесточает людей. В долгий мир социальный перевес всегда переходит на сторону всего, что есть дурного и грубого в человечестве, – главное к богатству и капиталу. Честь, человеколюбие, самопожертвование еще уважаются, еще ценятся, стоят высоко сейчас после войны, но чем дольше продолжается мир – все эти прекрасные великодушные вещи бледнеют, засыхают, мертвеют, а богатство, стяжание захватывают все... Долгий мир производит апатию, низменность мысли, разврат, притупляет чувства. Наслаждения не утончаются, а грубеют. Грубое богатство не может наслаждаться великодушием, а требует наслаждений более скромных, более близких к делу, то есть к прямейшему удовлетворению плоти. Наслаждения становятся плотоядными. Слостолюбие вызывает сладострастие, а сладострастие всегда жестокость» [Достоевский, 1981, с. 124].

Собственно, война как контраст миру, в котором есть не только позитивное, но и негативное, предстает и у Р. Кайуа. Во-первых, война разрушает частную жизнь и создает лиминальную ситуацию («Война грубо разрушает тот мирок свободы, который человек создает вокруг себя для собственного удовольствия и считается с правом своего соседа на такой же мирок. Она прерывает блаженство и ссоры влюбленных, интриги честолюбца и молчаливое творчество художника, ученого или изобретателя» [Кайуа, 2003, с. 279]). Это ситуация повышенной социализации, растворения лишаящегося всего человека в массе, коллективного возбуждения, формы которого знакомы человечеству с древности.

В этом смысле Р. Кайуа и приравнивает войну к празднику как форме максимального коллективного возбуждения. Не случайно А. Блок именно так воспринимал войну. Вот что пишет в связи с этим в своем дневнике З. Гиппиус. «Сегодня был А. Блок. С фронта приехал (Он там в Земсоюзе, что ли). Говорит, там тускло. Радости революционной не ощущается. Будни войны невыносимы (В начале – то на войну, как на «праздник» смот-

рел, прямо ужасал меня: Весело!» [Гиппиус, 1991, с. 320]. Война может восприниматься как праздник, поскольку предстает состоянием, когда рушатся все твердо установленные в социуме табу. Вот как это сближение войны и праздника мотивирует Р. Кайуа. «Но вот наступает час боя или пляски – пишет он – и возникают иные, новые нормы, еще вчера считавшиеся запретными и гнусными жесты приносят ныне славу и престиж – главное, осуществлять их в рамках известного этикета и сопровождать ритуальными действиями, призванными их освещать или скрадывать, хотя на самом деле они совершаются в безудержной разнузданности яростных инстинктов» [Кайуа, 2003, с. 280].

В конечном счете, решающую роль в войне сыграл не имперский дух, а та специфическая и имеющая место в редких случаях ситуация переживания единения, когда отдельный человек ощущает себя уже не одиноким, а продолжением, частью общей массы, что описано лишь в тех сочинениях, которые можно было бы назвать сочинениями по психологии массы (от Лебона до Московичи). Однако задолго до открытия и осмысления этого эффекта массы подобный феномен был описан еще в литературе. Причем, именно война как раз и предоставляла возможность испытывать это необычайное и выводящее из повседневности коллективное переживание, возвышающее человека и освобождающее его от страха. Вот как, например, у Ф. Достоевского описано это переживание, посещающее человека именно во время войны. Почему, собственно, война не только отталкивает человека, но и притягивает, поскольку предоставляет человеку возможность пережить то великое чувство, которое его в обычной и мирной жизни не посещает. Война сближает сословия, она уничтожает иерархию, разрушает навязываемые человеку обществом социальные роли. То, что делает человека несвободным в мирное время, исчезает. Отступает болезненно переживаемое чувство социального неравенства. «Как ни освобождайте и какие не пишете законы, – говорит парадоксалист Ф. Достоевского – неравенство людей не уничтожится в теперешнем обществе. Единственное лекарство – война. Пальятивное, моментальное, но отрадное для народа. Война поднимает дух народа и его сознание собственного достоинства. Война равняет всех во время боя и мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоинства – в жертве жизнью за общее дело, за всех, за отечество... Взаимный подвиг великодушия порождает самую твердую связь неравенств и сословий. Помещик и му-

жик, сражаясь вместе в двенадцатом году, были ближе друг к другу, чем у себя в деревне, в мирной усадьбе. Война есть повод массе уважать себя, а потому народ и любит войну: он слагает про войну песни, он долго потом заслушивается легенд и рассказов о ней... пролитая кровь важная вещь!» [Достоевский, 1981, с. 126].

Очевидно, что Вторая мировая война с ее беспрецедентной жестокостью выводила за пределы культуры и нравственности, выводила в историю, в варварство, можно сказать, в доосовое время. Казалось, что в ходе этой войны рушились все созданные в прошлые столетия ценности культуры, вообще, культура как таковая. Об этом весьма необычно высказался Т. Адорно, вынужденный в годы войны эмигрировать из Германии в Америку. Он говорит: Освенцип показал, что культура потерпела крах («После Освенцима любая культура... всего лишь мусор» [Адорно, 2003, с. 327]. Очень многое свидетельствует о зверствах войны. Об этом достаточно написано. Вот как, например, это представлено в романе В. Астафьева «Прокляты и убиты». «Совершив преступление против разума, добра и братства, – читаем в тексте романа – изможденные, сами себя доведшие до иступления и смертельной усталости, люди спали, прижавшись грудью к земной тверди, набираясь новых сил у этой, ими многожды оскорбленной и поруганной планеты, чтобы завтра снова заняться избиением друг друга, нести напророченное человеку, всю его историю, из рода в род, из поколения в поколение, изо дня в день, из года в год, из столетия в столетие переходящее проклятие» [Астафьев, 2011, с. 436].

Действительно, может показаться, что культура превратилась в мусор. Но так ли это? Можно ли этим высвобождением разрушительных инстинктов исчерпать весь смысл второй мировой войны? Можно ли утверждать, что культура для этой войны не имела значения, что и в самом деле свершался выход за пределы осевого времени в дикость? В том-то и дело, что, может быть, лишь война, создавшая своих мучеников и своих палачей, продемонстрировала активность того спасительного инстинкта, что пробуждается исключительно в экстремальных ситуациях. А такой ситуацией и является война. А вот этот спасительный инстинкт и есть инстинкт культуры. И именно этому инстинкту, а не отдельной харизматической личности или правящему меньшинству мы обязаны победой.

Ответ на вопрос, что такое культура и какую миссию она в мире осуществляет, может дать лишь то колоссальное напряжение, которое воз-

никает в ситуации, которую экзистенциалисты называют пограничной ситуацией, ситуацией на грани жизни и смерти. Вот культура как раз в ходе этой истребительной вакханалии и активизировалась, и сработала. Она ведь в принципе вообще предназначена для того, чтобы выживать и выходить из экстремальных ситуаций. С этого исключительного события в нашей истории, а совсем не с эпохи оттепели, как принято считать, понастоящему и началось осознание культуры и ее реабилитация. Потому что вторая мировая война вызвала к жизни традиционный ментальный комплекс и похоронила смысл ориентированного на перманентное пересоздание социума проекта модерна. И только потому все закончилось так, как закончилось. В этом случае этот наш тезис следует аргументировать.

Возникнув еще в XVIII веке и провозгласив идею прогресса, модерн оказался для культуры весьма неблагоприятным. Причем, как в западном, так и в русском варианте. В этом смысле русский вариант вообще предстает весьма крайним. Ведь представши в интерпретации Ленина, идеи модерна трансформировались в идеологию, в такую идеологию, которая оказалась необремененной гуманистическим потенциалом. Война высвечивает и обнажает накопившиеся в предвоенное время язвы. Здесь следует сказать еще об одном варианте в интерпретации войны, который тоже является возможным. Он связан с пониманием свободы не только как свободы государства, но и как свободы личности. Вообще исход войны способен обернуться не только глотком свободы. Он способен укреплять власть, в том числе, власть диктаторов. Но он может означать и утрату власти.

Мы уже цитировали Гегеля по поводу того, что война не позволяет обществу загнивать, что случается в мирное время. Следовало бы это состояние свободы, возникающее в экзистенциальной ситуации, а именно, на грани жизни и смерти рассмотреть под углом зрения переоценки и переосмысления установок, которые в предвоенные десятилетия были определяющими. Конечно, идея личной свободы связывается с шестидесятниками и вообще с периодом оттепели. Но этот прогресс в достижении свободы подчас сводится исключительно к преодолению периода сталинизма, поскольку, как доказывал А. Солженицын, Сталин лишь продолжал реализовывать установки и ленинизма, и большевизма. Короче говоря, происходящие процессы осмыслились исключительно как процессы для России внутренние. Но смысла этой войны они не исчерпывают. Ее смысл заключается

не только в соприкосновении Запада с Востоком, но и в отталкивании Запада от Востока.

Но смысл этой войны в еще большей степени приоткрывается, если мы ее соотнесем с проектом модерна, перечеркивающим не только не соответствующие принципу разума политические структуры, но историю, традиции и, соответственно, культуру. По сути, вторая мировая война на этом проекте ставила крест. Спрашивается, а как же тогда быть с большевизмом? А просто: большевизм был частным вариантом этого проекта. Анализ негативных последствий модерна был дан еще в книге Т. Адорно и К. Хоркхаймера «Диалектика Просвещения». Но в этой книге отсутствует русская тема. А жаль, ведь вторая мировая война – значимая страница в истории реализации идеи модерна. Именно в России решалась ее будущая судьба. В чем была уязвимость проекта модерна, из которого вышли все революции и который стал могильщиком традиционных ценностей? В том, что в его основу была положена идея чистого разума, которому не соответствовали ни культура, ни религия. Но, как пишет Л. Толстой, «если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, – то уничтожится возможность жизни» [Толстой, 1963, Т. 7, с. 267]. Кажется, именно это чуть и не произошло.

Кстати сказать, на Западе это понимал современник авторов модерна XVIII века Гете, как и некоторые философы XIX века, для которых главным философским концептом оказался не разум, а жизнь. В эпоху модерна смысл культуры еще не был открыт. С этим нашим тезисом не все могут согласиться. Можно предвидеть вопрос: как же, разве идея культуры не возникла уже в эпоху Просвещения? Конечно, возникла, например, у Гердера. И не только. Но этот процесс происходил в сознании отдельных выдающихся людей. Но хотелось бы говорить не об идеях, высказываемых отдельными мыслителями, а об идеях, осознаваемых обществом в целом. Может быть, даже следует говорить не просто об идеях, а об осознании того, как культура бессознательно срабатывает в таких экстремальных и экзистенциальных ситуациях, когда не только отдельный человек, но целые народы могут и не выжить. Когда человек оказывается, как бы выразились экзистенциалисты, в пограничной ситуации. В ситуации, какой оказалась война и вообще, войны XX века, словно созданные для того. Чтобы продемонстрировать беспрецедентные акты массового истребления людей. Чтобы вывести человечество за границы того, что К. Ясперс назвал осевым временем. Чтобы вернуть человечество в состояние варварства,

что прогнозировал в конце XIX века Ф. Ницше. Тем не менее, повторим еще раз: с Т. Адорно трудно согласиться. Культура – не мусор. Да, последующее развертывание истории показывает, что власть, кажется, и сохранилась, и укрепилась. Это подтверждает уже цитируемый нами тезис Гегеля по поводу того, что удачные войны не дают развиваться внутренним смутам и укрепляют государственную власть.

Д. Робертс констатирует, что война укрепила власть Сталина. Это могло иметь разные последствия – или дальнейшее ущемление свободы или, наоборот, свободу [Робертс, 2014, с. 463]. Еще в 1944 году В. Вишневский прогнозировал после окончания войны большую свободу. «Когда война закончится, – писал он – жизнь будет очень приятной. В результате нашего опыта появится великая литература. Будет активное движение и много контактов с Западом. Каждому будет разрешено читать, что ему хочется. Будет обмен студентами, поездки за рубеж для советских граждан будут упрощены» [Робертс, 2014, с. 463].

Некоторые усматривали развертывающееся потепление непосредственно уже в годы войны. Так, например, один из американских журналистов М. Хиндус, побывав в Куйбышеве, опубликовал в «Нью – Йорк Херальд Трибьюн» статью (17 июля 1942 года), в которой констатировал, что в СССР за 6 лет, пока он не был в Москве, уже произошли колоссальные изменения, а именно, стали заметными ценности частной жизни. После первого посещения СССР он написал книгу о советской России «Искоренение гуманизма». Но новое посещение СССР, как он утверждал, дает основание писать книгу под названием «Укоренение гуманизма». В частности, журналист в качестве подтверждения изменений описал свои впечатления от спектакля «Анна Каренина». Как он утверждает, еще недавно публика смеялась над чувствами и терзаниями героев, ибо была убеждена, что при советской власти такие страсти больше никого не волнуют. Сегодня, как уверял журналист, все изменилось. Русские начинают себя чувствовать как герои толстовского и тургеневского романов. Это свидетельствует о повороте к новому восприятию частной жизни и новому индивидуализму [Сталинград..., 2013, с. 57].

Впрочем, зафиксированные изменения не были для русских совершенно новыми. Они явились продолжением тех процессов, которые имели место после окончания гражданской войны и в особенности в 30-е годы. Так, например, еще В. Мейерхольд постановкой в 1934 году драмы Дюма-сына «Дама с камелиями» удивлял отходом

от аскетизма и новым гедонистическим пафосом. Спектакль привлекал вниманием к красоте повседневной жизни, что подчеркивалось костюмами персонажей, обстановкой действия, подбором мебели, обилием цветов на сцене и вообще сопереживанием простым и естественным чувствам людей [Юзовский, 1934].

Конечно, сразу же после войны власть снова стремилась ущемить свободы. Как известно, было принято ряд крутых мер, в том числе, против искусства. Тем не менее, последующая история – это не укрепление, а ослабление власти, которая ближе к концу XX века и вовсе распалась. Вот как, например, изображается это время, время оттепели в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». «Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победой, как думали, но все равно, предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание» [Пастернак, 1989, с. 503].

Конечно, после войны свободы все же оказалось не так много. Победа в войне внешней вовсе не была победой внутренней. Присваивая себе достигнутую народом победу, Сталин продолжал закручивать гайки. Видимо, диктатор не исключал и войну следующую. Имперская идея оказывалась в силе. После передышки имперская армия могла быть востребованной снова. Поэтому гуманизация государства не предполагалась. Начались гонения на интеллигенцию. В 1946 году А. Ахматову и М. Зощенко исключили из Союза писателей. «Мне казалось, – пишет И. Эренбург – что после победы советского народа тридцатые годы не могут повториться, а все напоминало прежнее – собирали писателей, кинорежиссеров, композиторов, выявляли «соучастников», каждый день список провинившихся пополнялся новыми именами: обвиняли Пастернака и Шостаковича, Эйзенштейна и Пудовкина, Козинцева и Трауберга, Погодина и Сельвинского, Кирсанова и Гроссмана, Эйхенбаума и Берггольц, Л. И. Тимофеева и Садкофьева, Межирова и А. Gladкова» [Эренбург, 1990, Т. 3, с. 34].

Чтобы подавить Запад, необходимо было спровоцировать против него ненависть. Но необходимо было и укрощать, обуздать и ту вырвавшуюся во время войны свободу, которая могла проявиться в послевоенное время. Но она проявилась. Люди, выражая свое недовольство, писали письма в государственные инстанции. Вот одно из суждений, извлеченное из такого письма 1946 года. «Ну, вот и дожили. Это называется забота о материальных нуждах трудящихся в четвертую сталинскую пя-

тилетку. Теперь понятно нам, почему по этому вопросу собрания не проводят. Бунты будут, восстания, и рабочие скажут: «За что воевали?» [Молочник, 2007, с. 146]. Так начиналась кампания против космополитов, преследующая обуздание тех, кто, пройдя войну, уже не опасался выразить свое недовольство.

Тем не менее, война все же дала возможность не только осознать реальность, но и высказываться о ней, о чем и свидетельствуют романы В. Гроссмана и В. Астафьева. А, следовательно, последующих процессов истории – оттепели, перестройки и демократизации во второй половине XX века без того, что произошло во второй мировой войне, произойти бы не могло. Революция и гражданская война, связанные с реализацией проекта модерна, заслонили традицию романтизма в культуре России. Между тем, она была не менее сильной, чем традиция модерна. И, кстати сказать, она была предельно активной в эпоху Серебряного века. Можно даже утверждать, что в начале XX века славянофильская идея переживала своеобразный Ренессанс. Период ленинской политики исключал ее продолжение и развитие. Новый политический курс изымал народы из привычной культурной и национальной среды и формировал утопическое, оторванное от культурной почвы мировосприятие. Это, конечно, не могло продолжаться долго.

Возникшая во время Второй мировой войны экстремальная ситуация освободила человека от утопии, поставив перед реальностью. Чтобы это осознать, человек должен был оказаться на пороге смерти. Это отрезвление как раз и произошло в ходе войны. Несмотря на то, что в ходе сражений в критические мгновения солдаты произносили имя вождя, именно в этой ситуации магия его имени покидает сознание людей. Так, в ситуации войны русский человек выходит из утопии и открывает реальность. Но чтобы этот сдвиг получил осмысление не только в сознании отдельных людей, но и во всем обществе, должно было пройти значительное время. Этим временем стала вся вторая половина XX века. Процесс осознания охватил и науку, прежде всего, гуманитарную.

Противостояние модерна и романтизма оказалось реальным и для второй половины XX века. Ведь из этой новой вспышки романтизма, что имела место в эпоху оттепели, когда был отрефлексирован ментальный сдвиг, происшедший в годы войны, возникает целая новая наука – наука о культуре. Она призвана объяснить то, что не смогла объяснить возникшая в XIX веке, когда модерн трансформировался в индустриальную цивилиза-

цию, социология. Преодоление хаоса, связанного с распадом традиционной культуры и традиционного общества, вовсе не исчерпывается возникновением и утверждением общественных и государственных институтов, функционирующих в соответствии с разумом. А именно функционированием таких институтов и занималась социология. Такие институты, как оказывается, способны не только исходить из реальности человеческого бытия, но и отрывать от него.

Но первичная изначальная реальность человеческого бытия связана, прежде всего, с культурой. Модерн разрушал культуру, отрывал человека от культуры и поселял его в утопический мир. Он нанес культуре непоправимый ущерб. Новая наука о культуре возникает, чтобы понять ситуацию, в которой культура оказалась в XX веке. Ведь человек, извлеченный из культуры и жертвующий культурой, обречен на бюрократию. Бюрократия возникает как следствие утраты культуры, блокирования ее действия. Но дело не только в бюрократии. Когда происходит тотальное разрушение культуры, как раз и возникают тоталитарные государства как реальности уже не утопии, а антиутопии. Возвращая культуру, пытаясь осознать ее жизнестроительные функции уже в постиндустриальном обществе, необходимо помнить о ее значимости и ее спасительной миссии. Об этом заставляют задуматься лишь такие экстремальные события в жизни народов, как война. Сначала как первая мировая, а затем и вторая мировая война приблизили человечество к пониманию смысла культуры. То, что произошло в ходе войны, постепенно трансформировалось в политические реформы.

Таким образом, наше настоящее и наши перспективы по-прежнему связаны с войной. Не в том смысле, что нас ждут новые войны и новые открытия, а в том, что мы по-прежнему продолжаем осознавать то, что проявилось в ходе войны. Осознавать и пытаться реализовать в жизни. Поэтому не в период оттепели начались реабилитационные процессы культуры. Их истоком явилась именно война. Реабилитация и истории, и церкви для возрождения культуры уже являются весьма показательными. Исток этого – возникшая в годы войны экзистенциальная пограничная ситуация. Собственно, проект модерна рано или поздно должен был рухнуть. Поэтому ближе к концу XX века появляется все больше критики модерна. Когда А. Солженицын получал в 1974 году премию от Союза итальянских журналистов, он по поводу смысла и последствий модерна (не называя, правда, фиксируемый нами процесс терминологий

Ю. Хабермаса) говорил следующее: «Мы – все мы, все цивилизованное человечество, – посаженные на одну и ту же жестко связанную карусель, совершили долгий орбитальный путь. Как детишкам на карусельных конях, он казался нам нескончаемым – и все вперед, все вперед, нисколько не в бок, не вкривь. Это орбитальный путь был: Возрождение – Реформация – Просвещение – физические кровопролитные революции – демократические общества – социалистические попытки. Этот путь не мог не совершиться, коль скоро Средние века когда-то не удержали человечество, оттого, что построение Царства Божия на земле внедрялось насильственно, с отобранием существенных прав личности в пользу Целого. Нас тянули, гнали в Дух – насильем, и мы рванули, нырнули в материю, тоже неограниченно. Так началась долгая эпоха гуманистического индивидуализма, так начала строиться цивилизация на принципе: человек – мера всех вещей, а человек превыше всего. Весь этот неизбежный путь весьма обогатил опыт человечества, но вот на наших глазах и он подошел к исчерпанию: ошибки в основных положениях, не оцененные в начале пути, ныне мстят за себя. Поставив высшею мерой всех вещей человека, со всеми его недостатками и жадностью, отдавшись материи неумеренно, несдержанно, – мы пришли к засорению, к избытию мусора, мы тонем в земном мусоре, этот мусор заполняет, забивает все сферы нашего бытия» [Солженицын, 1996, Т. 1, с. 196].

Следующее высказывание в еще большей степени проясняет мысль А. Солженицына. «Гремлющая цивилизация совершенно лишила нас сосредоточенной внутренней жизни, вытаскала наши души на базар – партийный или коммерческий. В сфере социальной наш многовековой путь привел нас в одних случаях на край анархии, в других – к стабильной деспотии. Между этими двумя грозными исходами на наших глазах становятся немощными, бесправными одно за другим демократические правительства – оттого что малые и большие соединения людей не желают самоограничиваться в пользу Целого. Это понимание, что должно же быть нечто Целое, Высшее, где-то разрозненное нами, когда-то полагавшее предел нашим страстям и безответственности, – это понимание чутко сторожится современными жестокими тираниями и вовремя выставляется под названием социализма. Но это обман вывески, неисследованность термина: полстолетия достаточно показали, что и там мы массами унавоживаем благоденствие малых групп людей – и притом самых ничтожных, мусорных» [Солженицын,

1996, Т. 1, с. 197]. И еще: «Как нам видится, цивилизованное человечество подошло сейчас к повороту мировой истории (жизни, быта и миропонимания), по значению такому же, как от Средних веков к Новому времени – если только по беспечности и по упадку духа мы не пропустим этого поворота» [Солженицын, 1996, Т. 1, с. 198].

Но, собственно, то, что говорит А. Солженицын, было уже сказано Т. Адорно и К. Хоркхаймером в их книге, вышедшей сразу же после войны, в 1947 году. В ней философы попытались показать, что Просвещение не только никого не просветило [Хабермас, 2003, с. 313], но привело к разрушительным последствиям. По сути, культивируя разум, модерн вызвал к жизни и тоталитарные общества, и варварство в его современных формах, что и проявилось во время войны. Вместо того, чтобы облагородить человечество, модерн привел к тому, что многие народы были поставлены на грань жизни и смерти. Поэтому Т. Адорно и К. Хоркхаймер и приходят к выводу о том, что «Просвещению надлежит осознать самое себя, чтобы человек не оказался окончательно преданным» [Хоркхаймер, 1997, с. 12]. Вот это исчерпание веры в чистый разум, не опирающийся на культуру в эпоху модерна, развертывается на протяжении всего XX века, что объясняет катастрофизм этой эпохи. Война оказалась значимым событием в угасании того этапа истории, когда культура была загнана в подсознание. Она не была открыта и осознана. Тем не менее, в момент экстремальный, экзистенциальный она сработала. С тех пор она набирала силу и, достигнув сознания, стала предметом специальной науки. Вот почему нам, культурологам, следует возвращаться к этому событию и осмысливать его под углом зрения культуры и содержащегося в ней потенциала выживания человека и человечества.

Библиографический список

1. Адорно Т. Негативная диалектика. Москва, 2003. С. 327.
2. Андреев Д. Роза мира. Метафилософия истории. Москва, 1991. С. 224.
3. Астафьев В. Прокляты и убиты. Москва, 2011. С. 436.
4. Гиппиус З. Живые лица. Стихи. Дневники. Тбилиси, 1991. С. 320.
5. Гроссман В. Жизнь и судьба. Москва, 1988. С. 622, 623.
6. Достоевский Ф. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 22. Ленинград, 1981. С. 123, 124, 126.
7. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. Москва, 2003. С. 279, 280.
8. Молодчик А. Война после войны. Социальные вопросы государственной политики в условиях после-

военного восстановления экономики // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск. 2007. С. 146.

9. Пастернак Б. Доктор Живаго. Москва, 1989. С. 503.

10. Робертс Д. Иосиф Сталин. От Второй мировой до «холодной войны». Москва, 2014. С. 463.

11. Солженицын А. Публицистика : в 3-х т. Т. 1. Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль, Верхневолжское книжное издательство. 1996. С. 196, 197, 198.

12. Солженицын А. Публицистика : в 3-х т. Т. 2. Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль, Верхневолжское книжное издательство. 1996. С. 322.

13. Сталинград. Величайший провал Гитлера. 1942-1943. Сталинградская битва глазами американских и британских журналистов. Москва, 2013. С. 57.

14. Толстой Л. Собрание сочинений. В 20 т. Т. 7. Москва, 1963. С. 267.

15. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Москва, 2003. С. 313.

16. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Москва, 1997. С. 12.

17. Чумаченко Т. Власть и русская православная церковь: отношения, рожденные войной (К вопросу о причинах возрождения государственно-церковных отношений и пределах их эволюции) // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007.

18. Эренбург И. Люди. Годы. Жизнь. Воспоминания : в 3-х т. Т. 2. Москва, 1990. С. 40.

19. Эренбург И. Люди. Годы. Жизнь. Воспоминания : в 3-х т. Т. 3. Москва, 1990. С. 34.

20. Юзовский Ю. О «Даме с камелиями» и красоте жизни. Литературный критик. 1934. № 6.

Reference List

1. Adorno T. Negativnaja dialektika = Negative Dialectics. Moskva, 2003. S. 327.

2. Andreev D. Roza mira. Metafilosofija istorii = The Rose of the World.. Metaphilosophy of History. Moskva, 1991. S. 224.

3. Astaf'ev V. Prokljaty i ubity = The Cursed and the Slain. Moskva, 2011. S. 436.

4. Gippius Z. Zhivye lica. Stihi. Dnevniky = The Living Faces. Poems. Diaries. Tbilisi, 1991. S. 320.

5. Grossman V. Zhizn' i sud'ba = The Life and Fate. Moskva, 1988. S. 622, 623.

6. Dostoevskij F. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. T. 22. = Complete Works in 30 Volumes. Volume 22 Leningrad, 1981. S. 123, 124, 126.

7. Kajua R. Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe = Myth and man. Man and the sacred. Moskva, 2003. S. 279, 280.

8. Molodchik A. Vojna posle vojny. Social'nye voprosy gosudarstvennoj politiki v uslovijah poslevoennogo vosstanovlenija jekonomiki = War after War. The Social Issues of Public Policy in the Context of Post-war Economic Recovery // Opyt mirovyh vojn v istorii Rossii. Cheljabinsk. 2007. S. 146.

9. Pasternak B. Doktor Zhivago = Doctor Zhivago. Moskva, 1989. S. 503.

10. Roberts D. Iosif Stalin. Ot Vtoroj mirovoj do «holodnoj vojny» = Joseph Stalin. From World War II to the «Cold War». Moskva, 2014. S. 463.

11. Solzhenicyn A. Publicistika. V 3-h t. T. 1. Obshhestvennye zjavlenija, pis'ma, interv'ju = Non-fiction in 3 volumes. V.1. Public Statements, letters, interviews. Jaroslavl', Verhnevzhskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1996. S. 196, 197, 198.

12. Solzhenicyn A. Publicistika. V 3-h t. T. 2. Obshhestvennye zjavlenija, pis'ma, interv'ju = Non-fiction in 3 volumes. V.2. Public Statements, letters, interviews.. Jaroslavl', Verhnevzhskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1996. S. 322.

13. Stalingrad. Velichajshij proval Gitlera. 1942-1943. Stalingradskaja bitva glazami amerikanskih i britanskih zhurnalistov = Stalingrad. The Great Failure of Hitler. 1942-1943. The Battle of Stalingrad as Viewed by American and British Journalists. Moskva, 2013. S. 57.

14. Tolstoj L. Sobranie sochinenij. V 20 t. T. 7 = Collective Works in 20 volumes. V. 7. Moskva, 1963. S. 267.

15. Habermas Ju. Filosofskij diskurs o moderne = The Philosophical Discourse of Modernity. Moskva, 2003. S. 313.

16. Horkhajmer M., Adorno T. Dialektika Prosveshhenija = The Dialectics of Education. Moskva, 1997. S. 12.

17. Chumachenko T. Vlast' i russkaja pravoslavnaja cerkov': otnoshenija, rozhdennye vojnoj (K voprosu o prichinah vozrozhdenija gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij i predelah ih jevoljucii) // Opyt mirovyh vojn v istorii Rossii = Power and Russian Orthodox Church: Relations Born of War (In relation to the reasons for the revival of State-church relations and the limits of their evolution) // Experience of World Wars in Russian History. Cheljabinsk, 2007.

18. Jerenburg I. Ljudi. Gody. Zhizn'. Vospominanija v 3-h t. T. 2. = People. Years. Life. Memoirs. In 3 volumes. V.2. Moskva, 1990. S. 40.

19. Jerenburg I. Ljudi. Gody. Zhizn'. Vospominanija v 3-h t. T. 3. = People. Years. Life. Memoirs. In 3 volumes. V.3. Moskva, 1990. S. 34.

20. Juzovskij Ju. O «Dame s kamelijami» i krasote zhizni = On «Lady with Camelia» and the Beauty of Life. Literaturnyj kritik. 1934. № 6.